

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

НЕЛЕГКО прийти в коллектив, где совсем недавно знали тебя студентом, потом начинающим режиссером, на пути которого были счастливые творческие взлеты и горестные неудачи, прийти на этот раз в качестве главного режиссера.

Можно представить, сколько волнений, раздумий, колебаний стояло за этим решением у самого «виновника торжества», какие бури сотрясали театр, как тщательно взвешивались все «за» и «против» в руководящих инстанциях, которые во многом рискованным назначением этим брали на себя двойную ответственность: и перед талантливым молодым режиссером, и перед театром, который вот уже не один год переживал тяжелый период неудач. Однако Рубинзон был переигран, и с открытием сезона 1973/74 года афишу Государственного русского драматического театра БССР имени Горького подписал новый главный режиссер Б. Луценко.

Театр, один из старейших в республике, имел традиции. На всю страну в былые годы гремели спектакли минчан «Король Лир» и «Варвары», «Брестская крепость» и «Оптимистическая трагедия», «Дали неоглядные» и «Каменное гнездо»...

Театр страдал от затянувшейся полосы неудач, когда зал оставался полупустым. Главные приходили и уходили, а коллектив сдавал и сдавал свои былые позиции. Потому, не скрою, назначение Б. Луценко было воспринято многими скептически. Иные выжидали: а что, мол, из этого получится, другие искренне хотели помочь, поддержать молодого режиссера, вывести театр из творческого застоя. Именно на эту часть опиралась партийная организация, позиция которой способствовала созданию доброжелательной атмосферы вокруг нового главного. С тех пор минуло два сезона — время, которое позволяет подвести некоторые итоги. И вот мы беседуем с одной из основательниц театра, заместителем секретаря партийной организации, народной артисткой БССР А. Обухович.

— Думается, что сегодняшнее состояние театра, — сказала она, — позволяет нам посмотреть в будущее оптимистически. Без сомнения, театр набирает силу, высоту. Это не может не радовать и нас, артистов старшего поколения, которые были свидетелями побед и несли на своих плечах позор поражений, и молодежь, которая пришла в коллектив в последние годы. Конечно, в этом я вижу большую заслугу нашего главного режиссера Б. Луценко, его коллеги, творческого единомышленника Ю. Тура, талантливого молодого театрального художника. Они сумели зажечь коллектив, повести его за собой. Разумеется, все это давалось трудно. Но с первых же шагов Борис Иванович очень точно определил главные направления поиска, и, это мне особенно кажется важным, нашел верный тон общения. Что я имею в виду? Как нередок, а особенно у молодых, этакий дух «низвержения», стремление все переломать, переиначить, рубить сплеча. В Борисе Ивановиче мы сразу почувствовали стремление понять коллектив, максимально выявить его возможности, выработать общее творческое «сredo» и на основе его создать театр единомышленников. Конечно, это не исключало лемки устаревших, порой болезненной, предрассудков и творческих, и личных. Но мы понимали, что делается это для театра, для зрителя, контакт с которым в последние годы был утерян.

...Листаю протоколы заседаний художественного совета, бюро партийной организации театра. Они — отражение того напряженного поиска, которым жил коллектив эти два сезона. В спорах, в порой непримиримом столкновении мнений нелегко и непросто вырабатывать то взаимопонимание, без которого невозможно творчество. И сегодня, выстраивая «школу накаливания» этой творческой атмосферы, отмечалось, что базировалась она на вдумчивом расчете, на умении выстроить перспективу. На трех китах: репертуаре, который исключал нетре-

бовательный подход к драматургии, реформировании труппы, создании ансамбля, где каждый актерский голос звучал бы своеобразно и неповторимо. Истинно вроде бы банальные, но, наблюдая жизнь театральных коллективов, мы знаем, как нелегко достигается желаемое. Упорно проводя в жизнь намеченную программу, молодое руководство опиралось и находило поддержку у большинства членов художественного совета и партийной организации.

Результат этих усилий сказался не сразу. Первый сезон не принес особых побед. Но та кропотливая, упорная работа, которая велась там, за кулисами, в режиссерских кабинетах, в репетиционных комнатах, не могла не воплотиться в том главном, ради чего существует театр. И вот состоялась премьера, добрая молва о которой на второй же день пронеслась

ном вещал прописные истины, когда был необходим обстоятельный и, может быть, трудный разговор.

В эту ночь понял Егор Малахов, что, будучи рядом с сыном, любя его, он стал для него чужим. В эту ночь ощутил Егор Малахов отчаяние одиночества, которое испытывал его Димка. И словно символ неприкаянности перед глазами Малахова, перед глазами зрителей — одинокая мальчишеская фигура на лестничной площадке многоэтажного дома.

Театр не расставляет все точки над i. Он призывает зрителя попристальнее взглянуть в себя, он требует, чтобы мы в бурном водовороте жизни не забывали о главном, о том, какой человек придет в завтрашний мир.

Спектакль этот, как и предыдущий, открыл зрителю еще одно актерское имя. Роль Димы Малахова сыграл

во. Но думаю, что эти фразы в общем потоке отнюдь не благостного разговора были дороги молодому главному режиссеру. Значит, два года общей упорной работы прошли недаром, сплотили коллектив, породили дух творчества.

Дух творчества. Сегодня он ощущается во всем. И в профессиональной учебе, что налажена в театре с помощью приглашенных специалистов из столичных учебных заведений, и в более целенаправленной шефской работе, которая ведется на крупнейшем предприятии Минска — камвольном комбинате, и в «театральных средах», завоевавших популярность в молодом городе белорусских шахтеров Солигорске, и во внеплановых спектаклях, один из которых «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса был показан на сцене Дома актеров Белорусского театрального общества.

Означает ли все это, что сложные проблемы решены полностью? Отнюдь нет. Ощущается крайняя необходимость в укреплении труппы актерами средней возрастной группы. Много уделяя внимания молодежи, всячески способствуя ее творческому росту, художественное руководство, как нам кажется, мало стремится выявить потенциальные возможности той довольно многочисленной части труппы, которая так и остается в тени. Афиша театра сегодня свидетельствует о похвальном стремлении к неординарности. Но удается это далеко не во всем. Явный пробел — отсутствие русской классики, что недопустимо в русском театре, работающем в национальной республике. Театр не может жить полноценной творческой жизнью и без своих авторов, близких по духу, разделяющих творческий поиск коллектива. Крут этих авторов взок. Мне довелось беседовать с Б. Луценко о репертуарном портфеле: сколько-нибудь определенных перспектив пополнения репертуара пьесами белорусских драматургов пока нет. В этом разговоре мой собеседник сетовал на то, что из довольно многочисленных предложений внимание театра пока не привлекает ни одно. Брать же пьесу для «галочки», для того, чтобы в графе «работа с местными авторами» все было в ажуре, он считает недопустимым. С этим нельзя не согласиться. Но, а если взглянуть на проблему по-иному? Не ждать готовых пьес, а попытаться заинтересовать в сотрудничестве с театром и маститых драматургов, и творческую молодежь. Внимательно, бережно относиться к пусть еще несовершенным первым опытам на нелегком пути писателя, помогать автору обрести свой голос. Это хлопотно, нелегко, но необходимо, если всерьез думать о дальнейшем творческом росте театра.

Не может также не волновать то обстоятельство, что рядом со спектаклями, отмеченными поиском, стремлением говорить со зрителем глубоко и серьезно, сосуществуют постановки серые, решенные однозначно, поверхностно, с расчетом на явно невысокий вкус. Ничем не обогатили зрителя «Свидание в предместье» А. Вампилова и «Энергичные люди» В. Шукшина. Режиссер А. Кузнецов, смакуя забавные сюжетные ходы, оставляет вне поля внимания те значительные социально-нравственные проблемы, которые заложены в драматургии. С чувством неудовлетворенности покидаешь зал после просмотра этих спектаклей. И вспоминалась мне зрительская конференция, на которой молодая работница камвольного комбината горячо и взволнованно говорила о театре:

— Я полюбила наш русский театр потому, — сказала она, — что он стал обращать свое внимание на большие и важные жизненные проблемы. И еще потому, что театр видит в нас, зрителях, умных собеседников. Он стал требовательнее к своему зрителю. Он заставляет нас думать, находить неоднозначные ответы на сложные вопросы.

Так имеет ли театр право не оправдать столь высокого доверия зрителя?..

Т. АБАКУМОВСКАЯ,
наш соб. корр.
МИНСК.

ДОВЕРИЕ

О ДВУХ ТЕАТРАЛЬНЫХ СЕЗОНАХ

по городу. С первых же спектаклей лишний билетик на «Макбета» спрашивали на дальних подступах к театру.

Это был дебют главного режиссера на сцене вверенного ему театра. Творческая смелость проявилась не только в выборе пьесы, но и в ее оригинальной трактовке, в необычном сценическом прочтении. Об этом спектакле немало писалось, в том числе и центральной прессы.

Новая работа театра стала примечательной еще и потому, что на сложнейшем драматургическом материале выявила богатые возможности труппы. Кроме А. Климовой и Р. Янковского, выступивших в главных ролях, в этом спектакле запоминающиеся образы создали К. Шишкин (Дункан), Б. Ступаков (Макдуф), Б. Сидоров (Банко), Э. Горячий (Росс) — актеры старшего и среднего поколений. Яркой заявила о себе и молодежь, недавно принятая в театр. Хотелось особо выделить В. Шукевича, сыгравшего Малькольма.

«Макбет» всколыхнул коллектив.

Сразу же после решения взять в репертуар трагедию Шекспира многие молодые актеры подали творческие заявки. Вместе с А. Климовой репетировала роль леди Макбет Н. Чемодурова и успешно довела работу до показа зрителю. Это был праздник не только для актрисы, это было открытие интересной творческой индивидуальности и для тех, кто сидел в зале.

Еще не отшумели споры вокруг «Макбета», а на афише появилось новое название. На этот раз театр обратился к исследованию проблемы сугубо современных, а бы даже сказала, злободневных. На сцене театра получила первое сценическое прочтение новая пьеса белорусского драматурга Н. Матюковского «Последняя инстанция».

На первый план здесь выдвигаются проблемы глубокого общественного, морально-нравственного значения. Как могло случиться, что в благополучной семье Малаховых, где папа крупный конструктор, мама врач, их добрый, прямодушный, немного взбалмошный, но глубоко порядочный сын Димка убил товарища? Что привело его к душевной растерянности и ожесточению? Над этим размышляет театр, об этом думает Малахов-старший (К. Шишкин и Ю. Ступаков) в ночь трагического события, спрашивая себя, свою совесть — эту последнюю инстанцию, обмануть которую невозможно. Шаг за шагом пересматривает Егор Малахов свою жизнь и приходит к горькому выводу. Это он, Егор Малахов, во многом виноват в том, что случилось с сыном. Как часто, занятый неотложными и важными делами, отмахивался он от сложных Димкиных вопросов. Как нередко, уходя откровенного разговора, менторским то-

выпускник Белорусского театрально-художественного института В. Курган. Сыграл трепетно, с обаятельной мягкостью, с чутким проникновением в противоречивый внутренний мир своего юного героя.

Под занавес текущего театрального сезона коллектив познакомил нас еще с одним новым спектаклем — сценической композицией по поэме А. Твардовского «Василий Теркин». Театр посвятил его знаменательной дате в жизни советского народа — 30-летию великой Победы. Этот первый подступ к овладению непривычной, неизведанной еще стилистики поэтического спектакля, где владение стихом, выразительной пластикой, умение петь имеет решающее значение. Режиссер шел на известный риск, заняв в спектакле всю молодежную часть труппы. Но в этом была (в случае успеха, разумеется) и своя волнующая символика. Молодые актеры, юноши и девушки, что пришли в мир уже после войны, должны были пройти огненными дорогами отцов, рассказать об их героической судьбе. В роли Теркина дебютировал выпускник Белорусского театрально-художественного института Е. Леонтьев. Его Теркин по-юношески хрупкий, подвижный, с лукавым прищуром веселых глаз, плоть от плоти боевой солдатской семьи, щедрой на шутку, несгибаемой матушки-пехоты. В этом спектакле переплетены юмор и трагизм, соленая солдатская шутка и полные драматизма песни войны, спетые молодыми артистами необычайно наполненно. Спектакль обнаружил и озорливое неумение некоторых актеров владеть стихом, есть затянутые и явно иллюстративные сцены. Но сыгранный на одном дыхании, увлеченно, искренне, «Василий Теркин» никого не оставляет равнодушным.

После генеральной репетиции состоялось заседание художественного совета. Разговор шел требовательный и нелицеприятный, обычный деловой разговор о новой работе театра. Но когда я просматривала протоколы заседания, то остановилась на двух симптоматичных высказываниях. Позволю привести их в протокольной записи.

А. Шах-Парон, заслуженная артистка республики: Наш театр в поиске. Вот это главное. Мы не успокаиваемся на достигнутом, порой ошибаемся, но не почиваем на лаврах. Этим мы и привлекаем сейчас внимание зрителей. В коллективе есть взаимопонимание, есть атмосфера доверия.

Е. Полосин, народный артист СССР: Много сдвигов в работе театра — творческие успехи, творческая атмосфера, зрительский интерес. Все это помогает работать, набирать высоту. Было время, когда не хотелось придти в театр, теперь иное...

Протокол сух. Он не фиксирует духовных движений, коды они не облетены в сло-